

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УДК 340.1
ББК 67.072

ПОНЯТИЙНЫЙ РЯД ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Н.Н. Воппенко

В статье анализируется общее понятие справедливости и ее отдельные виды. Особое внимание уделяется таким понятиям, как социальная, нравственная, правовая, формальная, исправляющая справедливость.

Ключевые слова: справедливость; мораль; право; социальная; нравственная; формальная; процессуальная справедливость.

Справедливость в качестве общенаучной категории продолжает привлекать внимание в сфере гуманитарных наук, и теоретические представления о ней постоянно обновляются. Это вполне закономерно, ибо связано с всепроникающим характером нормативно-ценностного содержания справедливости, ее способностью проникать, вплестаться и метить самые различные сферы человеческой жизнедеятельности. С другой стороны, за этим процессом стоит извечное человеческое стремление к поиску наиболее оптимальных социально-чувствительных критериев оценки и регуляции гармонично устроенного и прогрессивно развивающегося общества. Идеи «правового государства», «государства всеобщего благоденствия», «социально ориентированного государства», по своей сути, означают стремление людей к созданию государства социальной справедливости, то есть политической организации общества, ориентированной на формирование экономических, по-

литико-правовых и нравственно чувствительных механизмов и средств, обеспечивающих социально гарантированный уровень справедливости. Вместе с тем заметно набирает силу скептическое и даже резко негативное отношение к самому понятию социальной справедливости. Так, А.К. Черненко и В.В. Бобров замечают, что «понятие справедливости» очень часто употребляют в сочетании с понятием «социальная». В этом случае делаются попытки лишить данную категорию оценочного содержания, сформулировать строгую логическую конструкцию и придать ей некое универсальное субстанциональное значение, пригодное на все случаи жизни [25, с. 191]. Еще более категоричен в своем неприятии понятия «социальная справедливость» Фридрих фон Хайек, по мнению которого «культ “социальной справедливости” разрушает подлинно нравственные чувства не только тем, что поощряет злобные и разрушительные предрассудки. Он также, особенно в форме эгалитаризма, отвергает наиболее фундаментальные нравственные принципы, без которых не может существовать никакое сообщество свободных людей» [23, с. 267].

Не стесняясь в выражениях, Хайек называет социальную справедливость «чепухой», «жульничеством», «опасной угрозой цивилизации» [23, с. 235, 247, 265]. Подобный категоризм в оценке автора понятия «социальной справедливости» основывается на безусловной вере в спасительную силу «каталлактики», то есть рыночного хозяйства, которое стихийно организует условия справедливого поведения человека в гражданском обществе. Государство же и политическая система всегда склонны злоупотреблять идеей и принципами социальной справедливости. Отсюда неверие автора в справедливость социалистического государства и его способности организовать общественную жизнь на принципах социальной справедливости. «Социальная справедливость» может иметь смысл только в «направляемой», или «командной», экономике (подобной армии), в которой людям приказывают что делать; любая концепция «социальной справедливости» может быть реализована только в системе с централизованным управлением [23, с. 238]. Интересно, что такой признанный специалист в теории справедливости, как Д. Ролз, вполне терпимо относится к понятию социальной справедливости. По его мнению, «социальная справедливость – это принцип рационального благоразумия в применении к совокупной концепции благоразумия группы» [20, с. 35].

Обрушив свой принципиально буржуазный гнев на понятие «социальной справедливости», Хайек отрицает наличие положительного критерия справедливости и строит свою концепцию исключительно на основе отрицательных правил справедливого поведения [23, с. 210]. По его мнению, результаты человеческой деятельности не могут оцениваться в качестве справедливых или несправедливых, такая оценка применима только к поведению субъектов. Налицо, как можно заметить, отрыв процесса деятельности от его результатов. Очевидно, что в подобных рассуждениях обнаруживается нарушение элементарных правил диалектического мышления. Дело в том, что отрицательные оценки и критерии справедливости сами по себе возможны только при наличии положительных, ибо нельзя настаивать на несправедливости каких-либо действий, не имея эталона, образа положи-

тельной деятельности. Аналогично следует заметить, что результат человеческой деятельности и акты предшествующего ему поведения всегда жестко связаны между собой системой причинно-следственных отношений. Поэтому справедливость или несправедливость поведения субъектов программирует и предопределяет соответствующий результат их активности.

На наш взгляд, нежизнеспособность концепции Хайека состоит не только в его слепой вере в то, что рыночный эгоизм каталлактики сам по себе породит критерии и практику справедливой человеческой деятельности, но главным образом в том, что автор напрочь лишает человечество, особенно его обездоленную часть, надежды и веры в создание справедливо устроенного государственно организованного общества на принципах официально провозглашенной и эффективно проводимой в жизнь системы социальной справедливости. Думается, что многовековая мечта людей о государстве, способном организовать политическую и правовую систему подлинной социальной справедливости, будет всегда будоражить общественное сознание. Все это позволяет надеяться, что категория «социальная справедливость» вполне жизнеспособна и периодически будет востребованной в общественных науках и политико-правовой практике. Сформулированное нами определение социальной справедливости как обусловленной материальными условиями жизни общества конкретно-исторической системы общественных отношений и соответствующих им чувств, эмоций, оценок, идей, теорий и норм относительно распределения материальных и духовных благ, прав и обязанностей с целью создания гармонично устроенного и прогрессивного развивающегося общества [3, с. 43] в целом соответствует реалиям сегодняшней России. Его совершенствование можно осуществить путем включения в определение основных институциональных элементов, определяющих экономическую и политическую системы общественной жизни, а также указанием на относительный характер официальной системы норм и критериев справедливости. Следовательно, социальная справедливость есть система социально-экономических, политических и правовых институтов и норм, официально закрепляющих критерии со-

здания и распределения материальных и духовных благ, прав и обязанностей субъектов с целью обеспечения всеобщего благоденствия граждан. Важно также подчеркнуть, что социальная справедливость всегда конкретно историческое явление, ибо содержит в себе реально достигнутый уровень экономико-политической и правовой защищенности личности. Разумеется, что этот официально провозглашенный и юридически закрепленный уровень правовой защищенности человека в обществе не может быть абсолютным и зачастую является неполным, ущербным в свете извечных человеческих представлений о свободе, равенстве и справедливости. Но это уже выглядит как проблема постоянно развивающейся и совершенствующейся теории и практики справедливости.

Термин «социальная справедливость» подчеркивает социальную обусловленность последней, ее зависимость от основных конституирующих институтов и норм конкретно-исторического типа общества. Это означает, что экономический строй, политические и правовые институты, учреждения и нормы с необходимостью продуцируют соответствующую систему принципов и отношений производства, обмена и распределения, которые несут в себе печать исторически достигнутого уровня социальной справедливости. Они прямо и непосредственно (в праве) либо косвенно и потенциально (экономика и политика) формулируются и охраняют критерии справедливости и несправедливости, наполняют их периодически то нравственным, то юридическим содержанием, и одновременно гарантируют для населения страны объективно сложившийся официальный уровень режима социальной справедливости. Не случайно в научной литературе отмечается, что справедливость является показателем уровня социальной защищенности человека [7, с. 155]. *И в этом смысле социальная справедливость предстает в границах конкретного общества как нормативно-оценочная система регулирования общественной жизни, официально провозглашенная и гарантированная деятельностью органов политической власти.*

От представлений о социальной справедливости следует перейти к основному смыслообразующему общему понятию справедли-

вости. Именно данное понятие путем прибавления к нему терминов (экономическая, моральная, политическая, юридическая, формальная, процедурная, исправительная и т. д.) приобретает конкретизированный смысл и использование в определенной сфере общественной жизни. При этом следует сразу оговориться, что, на наш взгляд, употребление термина «справедливость» без конкретизации ее содержания и сферы проявления выглядит некорректным и функционально неопределенным. И, следовательно, не существует справедливости вообще, а есть справедливость как чувство, идея, идеал общественной жизни, справедливость как нормативная система регулирования общественных отношений и справедливость в виде институционально выраженного режима политико-экономической и нравственно-правовой жизни общества. И каждый раз, когда употребляется понятие «справедливость», необходимо уточнять, в каком смысле оно используется, какова функциональная направленность данного понятия. И таким образом, идея, нормативно-оценочная система и объективно сложившийся режим – это три взаимосвязанных, но относительно самостоятельныхлика, образа справедливости, проявляемой в общественном сознании и человеческой практике. Непринятие в расчет этого момента ведет к понятийной путанице, перескакиванию с одного образа справедливости на другой без учета конкретного смысла и содержания данного понятия, как это продемонстрировано в работе Ю.И. Бытко «Справедливость и право» (Саратов, 2005).

Наиболее важные идеи в сфере нравственности, права и политики лежат в основании соответствующих идеалов, определяя тем самым наиболее нравственно совершенный, предпочтительный образ познания и деятельности. Так, идея справедливости, формируя соответствующий идеал, в качестве обобщенного образа и цели справедливого поведения предлагает пути и средства, ведущие к достижению данного идеала. Но при этом важное значение имеет чувство справедливости как предтеча, психологическая основа познания и деятельности, ориентированных на соответствующий идеал.

Верно в этой связи подмечено, что «нравственное чувство справедливости заяв-

ляет о себе прежде всего как возмущение несправедливостью» [8, с. 1]. Думается, что чувство справедливости сродни выработанной в процессе социализации личности привычке и включает в себя элементы интуитивного и рационально обоснованного распознавания образа справедливости. Важнейшими элементами его содержания являются нравственно-правовая совесть и честность. Совесть диктует личности необходимость ответственного отношения к актам собственного поведения и поведению окружающих людей. Это нравственно-правовое чувство ответственности предопределяет честный образ мышления и деятельности в общественной жизни. Честность в данном контексте понимается как добросовестность, искренность, порядочность в поведении людей и их оценках окружающей действительности. Психологическая наука констатирует, что обыденные представления людей о справедливости выражаются в терминах: объективность, истинность, честность, порядочность, совесть, правосудие, равноправие, закон, благородство, нравственность, искренность, суд, равенство, искренность, гуманность, прямота, понимание, принципиальность, доверие, помощь [4, с. 24].

Нуждается также в уточнении достаточно старый вопрос о генетическом происхождении содержания справедливости, в частности нравственном или правовом характере ее требований. Как ни странно, но в последние годы наблюдается абсолютизация правовых форм бытия справедливости. Так, В.С. Нерсесянц утверждает, «что справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.)» [16, с. 28]. Аналогично замечает и Ю.Е. Пермяков, что «с утверждением права справедливость теряет свое моральное содержание и понимается уже как то, что гарантировано властью и законом» [17, с. 282]. Вместе с тем встречаются и противоположные взгляды. Так, Г.В. Мальцев достаточно категорично высказывается о том, «что есть только нравственная ценность справедливости, воздействующая через нравственное сознание на различные сферы социальной регуляции,

привносящая в них определенную тональность и элементы гармонии» [13, с. 108]. Думается, в этих высказываниях наблюдается излишняя категоричность в решении вопроса о происхождении и природе требований справедливости. Историческая наука свидетельствует о достаточно древнем происхождении основных норм морали, впитавших в себя этический минимум взаимоотношений людей друг с другом, а следовательно, и нравственно оправданный минимум взаимных требований, основанных на идее справедливости. Специалисты по этике отмечают, что «справедливость есть нравственное понятие, которое может выступать в роли критерия моральной оценки, в роли чувства (имеет эмоциональную окраску), в роли нормы, мотива поведения и, наконец, в роли нравственного идеала» [2, с. 23]. Право в историческом плане – более поздний по времени регулятор общественных отношений, сформировавшийся на основе важнейших и апробированных на практике норм морали, подхвативший эстафету нравственно справедливого регулирования общественной жизни и придавший этой регуляции официальный, государственно значимый характер. Идея и требования справедливости стояли у колыбели права и формировали его основные нормы и институты. Это вполне осознавали древнеримские юристы, подчеркивая генетическую связь справедливости и права. По мнению Ульпиана, предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит. Юриспруденция есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом [6, с. 17]. Все это свидетельствует, что справедливость, являясь центральной системообразующей идеей морали, вместе с тем способствует становлению системы права, сообщая его основным нормам и институтам нравственно оправданный характер. И конкретные нормы права приобретают тем более легитимный и эффективный характер, чем более нравственно насыщенным является их содержание. И это позволяет отметить, что справедливость в равной мере является как нравственной, так и правовой категорией, требования которой организуют, несмотря на возможные противоречия, единство и гармонию морально-правового регулирования.

Категория справедливости в последние годы получила массивное и многоаспектное изучение в сфере гуманитарных наук. Исследуются философские, этические, политологические, экономические, психологические и правовые аспекты данного понятия. И это неизбежно повлекло появление и обоснование новых, порою непривычных с традиционной точки зрения разновидностей понятия справедливости. Складывается впечатление, что ее требования проникают и вплетаются во все более широкие сферы общественной жизни, актуализируя при этом отдельные стороны и аспекты социальных оценок и регуляции. На сегодняшний день можно выделить следующие наименования и соответствующие виды справедливости: *социальная* (Г.В. Мальцев), *юридическая* (Н.Н. Вопленко), *формальная, реальная, конкретная* (Д. Ллойд), *правовая, этическая* (Г. Радбрук), *возмещающая, исправляющая* (О. Хеффе), *политическая, формальная* (Д. Ролз), *распределительная, исправительная, процедурная* (К. Муздыбаев), *дистрибутивная, процедурная, межличностная, информационная, состязательная, инквизиционная* (О.А. Гулевич) и т. д. Данный перечень видов справедливости демонстрирует ее многоаспектность, многофункциональность и возможность проявления в различных сферах общественной жизни как специфического регулятора и критерия оценки человеческого поведения и его результатов.

Как уже нами отмечено, «*социальная справедливость*» используется в качестве понятия для обозначения объективно сложившейся системы общественных отношений обменного и распределительного типа, а также выработанных на основе социальной и прежде всего производственной практики идеологических ценностей, критериев, стимулирующих данные отношения [14, с. 67]. Соответственно, по Г.В. Мальцеву, в содержании социальной справедливости можно различать материальный (социологический) и идеологический (нормативно-ценностный) компоненты. И это позволяет рассматривать социальную справедливость в качестве объективного результата, достигнутого в процессе исторического развития уровня государственно-правового и нравственного развития, воплотивше-

гося в системе политико-правовых норм и сложившейся практике обеспечения официально-го уровня справедливой жизни. Необходимо также отметить, что сложность определения социальной справедливости состоит в том, что, не обладая собственной особой предметностью, она, тем не менее, присутствует в большинстве человеческих отношений, опосредует их и тем самым позволяет оценивать их как справедливые или несправедливые. Это дает возможность выделять различные виды справедливости: юридической, нравственной, экономической, политической и т. д. Социальная справедливость как бы впитывает в себя, результирует на официальном уровне отдельные проявления справедливости в различных сферах общественной жизни и показывает меру достижения ее идеалов в конкретном типе исторически сложившегося общества. Поэтому, несмотря на резкие «филиппики» Фридриха фон Хайека против понятия «социальная справедливость», ее нравственный, экономический и политико-правовой потенциал будет всегда востребован широкими народными массами в борьбе за подлинно справедливое государственное устройство.

Нравственная, моральная или этическая справедливость возникает как исторически первые, изначальные представления людей в межличностных отношениях по поводу меры своих прав и обязанностей и оценки поведения других людей на основе соображений о долге, чести, совести, благе. Она есть понятие нравственного сознания, характеризующее меру воздаяния и требований прав и благ личности или социальной общности, требовательности к личности, обществу, правомерность оценки экономических, политических, правовых явлений действительности и поступков людей, а также самооценки [2, с. 65]. Идея справедливости пронизывает систему нравственных требований и идеалов, сообщая им целенаправленный и морально возвышенный характер. Нельзя быть добрым, гуманным, честным, правдивым, не будучи при этом справедливым. Справедливость, следовательно, — одна из важнейших добродетелей практической морали и категорий в этической теории.

Ганс Кельзен в этой связи заметил, что справедливость предстает как присущая людям добродетель. Как и всякая добродетель,

справедливость есть моральное качество, поэтому справедливость находится в сфере морали [10, с. 156]. Аналогично отмечает и Д. Ролз: «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель системы мысли» [20, с. 19]. На этой основе он строит свою концепцию «справедливости как честности», ориентированной на мир субъективных взаимоотношений между людьми. «Справедливость как честность – это теория наших моральных чувств, проявляющихся в наших обдуманных суждениях в процессе рефлексивного равновесия [20, с. 115]. Обращает на себя внимание чрезмерный авторский акцент на интеллектуально-психологическую сферу проявления справедливости в общественной жизни, который в связи с многочисленными авторскими допущениями типа «предположим», «допустим», «завеса неведения», «рефлексивное равновесие», «гипотетическая рефлексия» и т. д. подрывает доверие к его концепции. Творческий произвол, думается, не может являться наилучшим методом научного познания.

Итак, справедливость является по своему происхождению моральной категорией, определяющей меру распределения и воздаяния ценностей и ответственности между людьми, определяемая нравственным, а затем и исторически вызревшим правовым законом. Историческое значение моральной справедливости, в первую очередь, состоит в ее правосозидательном, правообразующем характере. И это позволяет перейти к понятию *правовой*, или *юридической справедливости*, которая признается далеко не всеми исследователями. Идея тесной связи справедливости и права, начиная от Аристотеля, проходит через большинство исследований этой проблемы. По словам Ульпиана, «право получило свое название от (слова) “справедливость”, ибо согласно превосходному определению Цельса право есть искусство доброго и справедливого» [21, с. 83]. Аристотелевские идеи о двух сторонах, или видах справедливости: уравнивающей и распределяющей (воздающей) – достаточно прочно вошли в научную литературу, а сама идея справедливости довольно часто рассматривается в качестве сущностного признака права. Так, например,

Г. Радбрух утверждает, что идея права не может быть ни чем иным, как справедливостью. «Право – это действительность, ценность которой заключается в том, чтобы служить справедливости» [19, с. 42, 44].

На наш взгляд, справедливость наряду со свободой выступает одним из смыслообразующих, сущностных признаков права. Нормы права и акты юридической деятельности в своем подавляющем большинстве ориентированы на идею равенства субъектов правовых отношений и воздаяние им пропорционально персональному вкладу в общественную жизнь. В связи с этим право – своеобразный «слепок» и весьма существенная часть системы официальной социальной справедливости, постоянно подпитываемой нравственными требованиями и идеалами. Справедливость присутствует в праве как его базовая идея, трансформируемая в основополагающий принцип и идеал всеохватывающей юридической деятельности, которая в масштабах общества складывается в качестве особого режима социальной справедливости. Данный режим, будучи результатом претворения в жизнь господствующих в данном обществе норм политики, права, морали, обычаев и других социальных норм, реально демонстрирует меру и уровень достигнутой обществом социальной справедливости. Справедливость действует через данные социальные нормы, метит их и оценивает через свой специфический механизм, выявление и анализ которого составляет важную задачу общественных наук. Интересные мысли по этому поводу имеются у Г. Гурвича.

Он исходит из того, что призвание идеи справедливости состоит в том, чтобы служить сущностной основой любого общего определения права [5, с. 293]. Соотношение же справедливости и морали, по его мнению, состоит в том, что «справедливость неразрывно связана с моральным идеалом; она зажигается от этого идеала благодаря процессу вербализации; она опоясывает моральный идеал как его априорная оболочка, чья защита позволяет моральному идеалу раскрыть содержащиеся в нем богатые и сложные переплетения конкретной индивидуальности» [5, с. 292]. Как можно заметить, автор предлагает рассматривать справедливость как не-

что отличное, обособленное от моральных ценностей. Тем более это становится очевидным, когда Гурвич заявляет, что «справедливость расположена на полпути между нравственностью и логикой» [5, с. 292]. Следовательно, по Гурвичу, справедливость выглядит как явление, производное от нравственности и логики, но не совпадающее с ними по своему содержанию. Между тем, на наш взгляд, справедливость в качестве идеи, принципа, режима составляет своеобразную квинтэссенцию сферы нравственности, ориентируя ее на идеалы добра и праведности. Она служит критерием измерения нравственного поведения, оценивая его через специфически моральные контрольно-психологические понятия и механизмы в виде совести, стыда, долга, блага и т. д. Из критерия нравственности она зачастую превращается в особый нравственный идеал, высечивая при этом в моральной системе основную идею ее существования. А следовательно, по способу своего бытия справедливость не может быть представлена чем-то помимо нравственности. Она есть нравственность, ориентированная на праведность и работающая посредством своих моральных категорий и механизмов.

Недопустимо также представлять справедливость в виде особого инструмента логики, который формально и бесстрастно регулирует и оценивает человеческое поведение. Люди видят ее проявление не в логических силлогизмах, а в самой логике жизни, основываясь на чувственно-интуитивных представлениях и опыте нравственного бытия. Как отмечает В.П. Малахов, «справедливость представляет собой сложную симметрию усилий и результатов, потерь и обретений, помыслов и действий, преступлений и наказаний [12, с. 207]. Ее регулятивно-оценочный механизм не столько логичен, сколько принципиально заострен на поиске и учитывании наиболее оптимальных социально-чувствительных средств гармоничного регулирования человеческого поведения. Уравнивая субъектов в их нравственно-правовом положении и тем самым сообщая им единую социальную ценность и равенство возможностей, справедливость требует воздаяния им пропорционально прогрессивному и негативному вкладу в общественную жизнь. Эти две стороны, а точ-

нее – два принципа справедливости, и составляют ее внутренний механизм, дополненный средствами и категориями нравственного регулирования. Разумеется, что в каждой сфере общественной жизни действие данного механизма корректируется особенностями нормативно-предметной сферы: экономики, политики, права и т. д. Но с учетом свойства реактивности морали, ее способности проникать и вплетаться в сопредельные области общественного бытия, механизм нравственно справедливого регулирования выглядит как универсальное и всепроникающее средство корректировки социальных норм и оценок, а также формирования специфических форм, или видов справедливости: экономической, политической, правовой и т. д.

Проблема *правовой*, или *юридической* справедливости предстает прежде всего как проблема нравственного насыщения основных норм, институтов, отраслей права, а также правового сознания и актов индивидуального правового регулирования. Ее конкретно-исторические черты определяются уровнем и качеством нравственного наполнения официального правосознания, правотворчества и юридической деятельности. Она основывается на признании и безусловном культивировании в общественном и правовом сознании ценности нравственных идеалов, наличии справедливого законодательства и оправдываемом требованиями справедливости режиме законности. Последний элемент выглядит особо актуальным, ибо в глазах населения страны юридическая справедливость ассоциируется, в первую очередь, с легальностью и легитимным характером деятельности органов государственной власти, управления и судебной системы. Наиболее часто на весах юридической справедливости общественное мнение взвешивает акты правосудия и иной правоприменительной деятельности. И здесь справедливость актов применения права выглядит в виде *нравственной обоснованности и законности решений по юридическим делам*. Другими словами, общая формула юридической справедливости предстает как совпадение, совмещение в правовой квалификации юридического дела законности и нравственной безупречности. Это означает, что нельзя признать справедливым неправомерное, незакон-

ное решение по юридическому делу, как не обладает этим качеством и решение, формально соответствующее требованиям действующего законодательства, но противоречащее нормам морали. Юридическая справедливость – это нравственно-правовой идеал, и его достижение зачастую связано с преодолением противоречий и даже конфликтов между формальными требованиями права и нравственным долженствованием. И чем более преодолены или сглажены в процессе конкретного правоприменения нравственно-правовые коллизии, тем в значительной степени правоприменительное решение приближается к идеалу юридической справедливости. Между тем юридическая практика свидетельствует, что весьма значительная часть выносимых решений по юридическим делам вступает в законную силу и существует, не обладая в полной мере качеством нравственной обоснованности. Это лишает подобную практику свойства легитимности, и ее бытие основывается только на формальной законности. Отсюда длящиеся во времени процессы обжалования состоявшихся правоприменительных решений, падение престижа правосудия, явлений правового нигилизма и прочие негативные черты правовой системы. Поэтому достижение юридической справедливости в правоприменительной деятельности выглядит как задача исключительной важности, от решения которой зависит прочность и стабильность правопорядка.

Научные представления о юридической справедливости находятся в состоянии становления. Так, В.П. Малахов выделяет три предельно общих признака данного явления. По его мнению, правовая справедливость характеризуется тем, что она: а) есть справедливость упорядочивающая, б) она есть своеобразный противовес социальной несправедливости, ее «симметричная» сторона, в) она есть реальный и практически достижимый аналог меры справедливости [12, с. 209]. Анализ данных признаков вызывает некоторые сомнения в эффективности их использования для оценки юридической практики. Например, подчеркивание упорядочивающего характера правовой справедливости вряд ли позволяет надежно отграничивать ее от других нормативно-оценочных явлений. Таким свойством обладают право, мораль, политика и многие

иные явления общественной жизни. Другое дело, если сделать акцент на гармонизацию общественных отношений в сфере сознания, в которых проявляет себя правовая справедливость. Именно ее способность приносить гармонию в общественную жизнь, способствовать прогрессивному развитию социальных процессов содействует формированию в общественном сознании легитимной оценки и отношения к актам справедливости в сфере права. И это позволяет выделять легитимность в качестве одного из существенных признаков юридической справедливости.

Но основным недостатком анализируемой концепции, на наш взгляд, является игнорирование неременной и тесной связи правовой справедливости с законностью. Без законности нравственное совершенство состоявшегося акта применения права лишается качества легальности. Оно не выдерживает критики с точки зрения действующего законодательства и, как правило, подлежит отмене органами контрольно-надзорной деятельности. Верно в этой связи отмечает С.А. Иванова: «Законность – очевидно необходимая и важная предпосылка справедливости». Без наличия строго очерченной и отшлифованной нормативной системы, которая выражает волю народа, справедливость того или иного решения была бы полностью отдана на откуп субъективному мнению [9, с. 4]. Думается, законность не только предпосылка, но и один из основных признаков и показателей справедливости в сфере права. Она обеспечивает нравственно-правовой характер юридической ответственности и ее результатов, способствует прочности и стабильности правового порядка. Все это позволяет заключить, что основными признаками правовой (юридической) справедливости выступают: *совпадение нравственной и правовой квалификации общественных отношений в актах юридически значимой деятельности; легитимность правовых актов; законность состоявшихся решений по юридическим делам и одновременно их нравственная обоснованность; противоположность несправедливости; реальный характер достигнутой меры справедливости в правовом регулировании*. Разумеется, что поиск и уточнение признаков правовой справедливости должны

быть продолжены, ибо слишком уж высока социальная значимость данного явления.

Следующим часто употребляемым в последнее время понятием справедливости выступает *справедливость процессуальная*, или *процедурная*. В самом общем виде процесс есть делящаяся во времени последовательно упорядоченная система действий, ведущая к достижению определенной цели. Социальный процесс характеризуется последовательностью своих стадий, раскрывающих внутреннее единство целенаправленной деятельности. Понятие процесса используется в тех сферах общественной жизни, где большое значение имеет процедура, порядок последовательно осуществляемых действий: право, политика, религия, обычаи и т. д. Непременным признаком процесса является процессуальная урегулированность, то есть наличие процессуальных норм. И в этом смысле право – благодатная почва для юридического процесса, дифференцированного по отраслям, видам юридически значимой деятельности: правотворческий, правоприменительный, контрольно-надзорный, интерпретационный и т. д. [22, с. 65–70]. Основными проблемами теории юридического процесса являются: стадии, принципы, производства и режимы процессуальной деятельности. Вопрос о процессуальной справедливости в данной концепции практически не ставится. В работе В.Н. Баландина и А.А. Павлушиной, посвященной принципам юридического процесса, процессуальная справедливость называется в качестве общего принципа, но не раскрывается содержательно [22, с. 89]. Однако надо отметить, что все специалисты по теории юридического процесса значительное внимание уделяют принципу законности в качестве ведущей идеи, пронизывающей все стадии, производства и режимы процессуальной деятельности. Более того, обосновывая ценность понятия юридического процесса, В.М. Горшенев и его сторонники называют законность в качестве одной из основных целей, которая может быть достигнута с помощью детально разработанной и законодательно урегулированной процессуально-процедурной деятельности. Приходится констатировать, что проблема законности в юридическом процессе «поглотила» собой процессуальную справедливость, излишне юридизи-

ровала и «подмяла» под себя нравственный аспект в процессуальной деятельности. В значительной мере это объясняется природой процессуальных правовых норм, работающих ради осуществления «чужого» интереса, заложенного в нормах материального права. Последние более морально насыщены, ибо закрепляют права и обязанности субъектов, отвечают на вопросы «что можно и что нельзя делать». Процессуальные же нормы отвечают на вопросы «как, в каком порядке можно действовать в сфере права» и регламентируют процедуру юридически значимой деятельности по осуществлению норм материального права. Они менее насыщены нравственными требованиями и носят вспомогательный, «деловой» характер, обеспечивая точность, последовательность, законность процессуальной работы по реализации материально-правовых норм. Поэтому проблема процессуальной правовой справедливости чаще всего возникает и актуализируется на отдельных важных стадиях, этапах процессуальной деятельности или конечном этапе юридического процесса, когда становится очевидным, что нарушение процедуры могло существенно сказаться на результатах нравственно-юридической деятельности. Например, закрепление следователем процессуальных доказательств по уголовному делу с помощью «лжепонятых» или голосование депутатов по законопроекту при отсутствии кворума.

Процессуальная справедливость в сфере права обладает всеми основными признаками юридической справедливости: а) единством нравственной и правовой квалификации процессуальных отношений; б) легитимностью процессуальных актов; в) законностью и нравственностью процессуальных решений; г) противоположностью несправедливости; д) выражением реальной меры достигнутой справедливости правового регулирования. Ее значение состоит в том, что она путем процессуального упорядочивания указывает путь к достижению правовой справедливости по юридическому делу и одновременно сигнализирует о своеобразных «болевых точках» проблемы формирования юридически законных и нравственно обоснованных решений. В научной литературе выделяются следующие виды процедурной справедливости: состязательная,

инквизиционная, авторитарная, арбитражная и торговая [4, с. 98–99]. Современная юридическая наука отдает безусловное предпочтение состязательному и арбитражному процессам, как основывающимся на уважении к правам и свободам личности и ориентированным на осуществление правосудия, а следовательно, на достижение максимальной справедливости при рассмотрении деликтов и споров по юридическим делам. Как отмечает О. Хеффе, «судопроизводство – это инновация в области справедливости, имеющая подлинно всемирно-историческое значение» [24, с. 77]. И роль юридических процедур, регулирующих судебное правоприменение, исключительно велика. Можно сказать, что детально разработанные и законодательно закрепленные процедуры правоприменительной, в том числе и судебной, деятельности – гарантия достижения процессуальной правовой справедливости.

Справедливость, с точки зрения своего содержания, «предполагает соответствие между деянием и возданием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием. Она есть совокупность принципов и процедур, регулирующих распределение жизненных благ и тягот, прав и обязанностей индивидов и общественных групп» [15, с. 94]. И в этой связи в науке выделяются такие ее виды, как *распределительная*, *воздающая*, *исправительная* и т. д. Данные наименования справедливости используются для обозначения ее отдельных аспектов социального действия, обусловленных особой функциональной нацеленностью.

Распределительная, или дистрибутивная, справедливость, концепция которой представлена в работе Г.В. Мальцева, выглядит как развертывающаяся «в границах данного общественного строя совокупность реальных обменных и распределительных отношений» [14, с. 66]. Разумеется, что эта система отношений складывается на основе выработанных обществом норм, принципов, критериев и оценок, обеспечивающих регулирование процессов производства, обмена и распределения материальных и духовных благ. Она требует соответствия между реальной значимостью различных индивидуумов (социальных благ) и их социальным положением, между правами и обязанностями, между трудом и вознаграждением [18, с. 7]. Уравнивая субъектов в

их правовом статусе, она воздает им пропорционально вкладу в общественную жизнь и, таким образом, предстает в качестве системы объективно сложившейся социальной справедливости, против которой так резко выступил Фридрих фон Хайек.

Категория «распределительная» справедливость употребляется и в более узком смысле, как противоположная справедливости «воздающей». В последнем случае акцент делается на индивидуальных качествах субъектов, их социально значимых достоинствах и недостатках, пропорционально которым им предоставляются права и обязанности, награды и наказания. В основе воздаяния лежит представление о социальной или индивидуальной ценности человека, группы, что и позволяет отмерить им соответствующий объем прав, льгот, преимуществ или порицания. Как пишет В.П. Малахов, «воздается достоинству и ценности человека или умалению того и другого, воздается честью или позором как неким допустимым – в рамках человечности, ценности личности, христианской любви и т. п. – предельным ответом на вызов, который человек бросает окружающим людям или обществу в целом своими действиями и проявленными в них побуждениями и установками» [12, с. 205–206]. Воздающая справедливость уточняет, конкретизирует формальное равенство субъектов, повышая тем самым социальную чувствительность нормативно-оценочной системы, и это позволяет видеть в ней ведущий элемент общего содержания справедливости.

Исправляющая справедливость как понятие используется для обозначения системы норм, действий и отношений по поводу восстановления нарушенного режима справедливости. В сфере права ее бытие наиболее ярко проявляется при обнаружении и устранении правотворческих и правоприменительных ошибок, восстановлении нарушенного права, деятельности органов пенитенциарной системы. Своими требованиями и оценками она реагирует на отклонения от режима справедливости и действует по мере устранения выявленных аномалий. Ее основными чертами выступают: ситуационность, временный характер, нацеленность на устранение пороков и недостатков социального регулирования,

формализованность процедуры исправления обнаруженной несправедливости.

Формальная справедливость как понятие используется для акцентирования внимания на преобладающем значении норм, принципов, установленных критериев и формализованных оценок в социальном регулировании отношений справедливости. Д. Ллойд выделяет три основных момента формальной справедливости: а) должны существовать нормы, предписывающие, как следует обращаться с людьми в конкретных случаях; б) эти нормы должны быть общими по своему характеру; в) применение этих норм должно осуществляться беспрестанно, без всяких поблажек, дискриминации или исключений из общих правил [11, с. 138]. Последний пункт особенно подчеркивает формальный характер справедливости, основанной на принципе равного отношения ко всем субъектам и на уравнивании их в правовом и ином социальном положении. Принцип воздаяния каждому пропорционально его вкладу в общественную жизнь здесь не принимается во внимание. Отсюда ограниченный, неполный характер формальной справедливости, которую можно рассматривать как начальный, предварительный этап действительно справедливого регулирования. В современных развитых правовых системах ограниченный характер формального равенства субъектов дополняется и сглаживается наличием специальных и индивидуальных статусов субъектов, детально разработанных процедур правоприменительной деятельности, социально чувствительных источников права и т. д. Это позволило Джону Ролзу заметить, что «концепция формальной справедливости, правильного и беспристрастного использования публичных правил, в применении к юридической системе, становится правлением закона [20, с. 210].

Таковы наиболее часто встречающиеся в науке понятия справедливости. Употребление их требует некоторой понятийной чистоты и строгости, чему препятствуют субъективные предпочтения и особенности методологии отдельных авторов, разделяющих постмодернистские установки. Кроме рассмотренных понятий справедливости, в науке можно встретить и иные, например справедливость политическая, межличностная, информационная, реальная, конкретная, торговая и т. д. В данных случаях речь идет

об отдельных сферах или аспектах ее проявления. Все это свидетельствует о возрастающем характере справедливости как специфически тонким и чувствительным средством регулирования и оценки современной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баландин, В. Н. Принципы юридического процесса / В. Н. Баландин, А. А. Павлушина. – Тольятти : Изд-во ВУиТ, 2010. – 150 с.
2. Бербешкина, З. А. Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике / З. А. Бербешкина. – М. : Высш. шк., 1974. – 160 с.
3. Вопленко, Н. Н. Социальная справедливость и формы ее выражения в праве / Н. Н. Вопленко // Советское государство и право. – 1979. – № 10. – С. 39–46.
4. Гулевич, О. А. Социальная психология справедливости / О. А. Гулевич. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 254 с.
5. Гурвич, Г. Д. Философия и социология права : избр. соч. / Г. Д. Гурвич. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. – 848 с.
6. Дигесты Юстиниана / под ред. Л. Л. Кофанова. – В 4 т. Т. 1. – М. : Статут, 2002. – 583 с.
7. Дубко, Е. Л. Идеал, справедливость, счастье / Е. Л. Дубко, В. А. Титов. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 190 с.
8. Зайцев, С. А. К вопросу о понятии социальной справедливости / С. А. Зайцев // Вестн. Ом. ун-та. – 1999. – Вып. 4. – С. 1–7.
9. Иванова, С. А. Принцип социальной справедливости в законодотворчестве: проблемы реализации на современном этапе / С. А. Иванова // Законодательство и экономика. – 2001. – Вып. 1. – С. 3–10.
10. Кельзен, Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена // Ганс Кельзен : сб. пер. – Вып. 2. – М., 1988. – 213 с.
11. Ллойд, Д. Идея права / Д. Ллойд. – М. : Книгодел, 2006. – 415 с.
12. Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М. : Деловая книга, 2002. – 447 с.
13. Мальцев, Г. В. Нравственные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2008. – 550 с.
14. Мальцев, Г. В. Социальная справедливость и право / Г. В. Мальцев. – М. : Мысль, 1977. – 255 с.
15. Муздыбаев, К. Идея справедливости / К. Муздыбаев // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 94–95.
16. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 1997. – 647 с.
17. Пермяков, Ю. Е. Основания права / Ю. Е. Пермяков. – Самара : Универс-группа, 2003. – 491 с.

18. Проблемы социальной справедливости в зеркале современной экономической теории / Ф. И. Баншток, Л. И. Ермакова, Н. Н. Коновалов [и др.]. – М. : УРСС, 2002. – 190 с.

19. Радбрух, Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 238 с.

20. Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.

21. Суд и судьи в избранных фрагментах из диалекта Юстиниана / под ред. Л. Л. Кофанова. – М. : Статут, 2006. – 733 с.

22. Теория юридического процесса / под ред. Р. М. Горшенева. – Харьков : Высш. шк., 1985. – 192 с.

23. Хайек, Ф. фон. Право, законодательство и свобода / Ф. фон Хайек. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 643 с.

24. Хеффе, О. Справедливость. Философское введение / О. Хеффе. – М. : Праксис, 2007. – 191 с.

25. Черненко, А. К. Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии: социально-философский аспект / А. К. Черненко, В. В. Бобров. – Новосибирск : ГЦРО, 2003. – 232 с.

CONCEPT SERIES IN THE THEORY OF JUSTICE

N.N. Voplenko

The article deals with the Justice notion and its basic types. The author focuses on such notions as social, moral, legal, formal, remedial justice.

Key words: *justice; morality; law; social justice; ethical justice; legal justice; formal justice; procedural justice.*